

размышлений об особенностях межкавказских схождений как в материальной культуре, так и в обрядах, обычаях, быте и нравах, в фольклоре и религиозных воззрениях. Надеемся, что создание этнокультурного словаря лексических общностей откроет ещё одну страницу в изучении раннесредневековой истории этноязыковых контактов языкового ареала Анатолия-Кавказ-Иран.

Литература:

1. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. / [сост. А. М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. М.: Наука, 2010. 378 с.
2. Языки Дагестана / под ред. Гамзатова Г.Г. Махачкала: Офсет, 2000. 553 с.

УДК: 811.161.1

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Л. И. Богданова

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
г.Москва

В статье рассматривается отражение изменений в ценностной картине мира в современном русском языке, ставится вопрос об изучении этого процесса в сопоставительном плане на материале языков народов России, подчёркивается необходимость поиска оптимальных путей сохранения этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: *этнокультурная ценность, народы России, глобализация, культурная идентичность, язык как деятельность, сохранение ценностей.*

The article discusses the reflection of changes in the value picture of the world in the Russian language. Changing values requires a comprehending study of the languages of the peoples of Russia. It is necessary to look for optimal ways to preserve ethnocultural values.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-04-00053

Keywords: *ethnocultural value, peoples of Russia, globalization, cultural identity, language as an activity, preservation of values.*

В XXI веке остро стоит вопрос о сохранении исчезающих языков. В многонациональном и разноязычном Дагестане проблема сохранения и развития родных языков и культур также является одной из наиболее важных [1, с. 132]. Не менее значимым, на наш взгляд, является и вопрос о сохранении самобытных этнокультурных ценностей, отражённых в языках. Национальное многообразие и культурное единство народов России обеспечивается, в том числе, и за счёт сохранения уникальных культурно-специфичных ценностей населяющих страну народов. Культура хранит социально значимый опыт в различных видах знаковых систем, среди которых язык, порождая всё новые и новые тексты, создающие информационную среду человека как носителя культуры, является наиболее надёжным транслятором ценностей. При этом важно осознавать, что духовные ценности служат основой и фундаментом единой культуры большого многонационального государства, каким является Россия.

В настоящее время практически все страны, все языки и культуры не могут не испытывать на себе влияния глобальных интегративных процессов, чему во многом способствует развитие новых информационных технологий. Последнее время даже стало возможным говорить о формировании глобального социума – единой земной цивилизации, идущей на смену разрозненным этническим группам [2, с. 31]. Несмотря на многие положительные стороны международной интеграции, нельзя не заметить, что технократическое постиндустриальное общество, общество потребления, общество виртуальной реальности всё больше тяготеет к прагматизму, личностной обособленности, а во многом и к бездуховности, безнравственности, распущенности.

Постепенное «стирание» национально-специфических культурных границ, характерное для современного мира, таит в себе опасность разрушения формировавшегося веками традиционного образа жизни, установившихся норм и правил речевого поведения. Деформация той духовной среды, в которой социализируется ребёнок, стандартизация процессов духовно-нравственного становления человеческой личности могут привести к утрате идентичности [2, с. 112-113].

Идентичность предполагает процесс соотнесения субъекта или объекта с другими субъектами / объектами с целью выявления общих или специфических признаков самоотождествления индивида с дру-

гим индивидом, группой, образцом, идеалом, нацией [3, с. 222]. Опыт показывает, что стремительное ускорение процессов трансформации социокультурной среды является пусковым механизмом к тому, что самоидентификация не происходит, что, в свою очередь, постепенно приводит к моральной деградации этноса. Приобретая массовый характер, кризис идентичности рождает «потерянные поколения», поколения манкуртов: об этой опасности предупреждал Чингиз Айтматов. Потеря этнических идеалов и ценностей создаёт реальную угрозу для современного человека стать негуманным, а «негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [4, с. 15]. Именно идентичность может служить показателем психосоциального благополучия личности, её жизненной успешности, человеческой и профессиональной реализованности [5].

В формировании культурной идентичности у молодого поколения основную роль играют различные социальные институты, в первую очередь, семья и школа, высшие учебные заведения, а также учреждения культуры, культурные общества, средства массовой информации и др. Работникам образовательных учреждений сейчас важно осознавать, что образование должно «произрастать» из культуры, в том числе из этнокультуры. Ценность образования состоит в том, что оно является одним из надёжных способов транслировать понимание глубинного смысла человеческой жизни, передавать будущим поколениям идею человечности, составляющей ядро культуры. На данном этапе идея ценностного подхода к преподаванию в школе и вузе связана с гуманистической образовательной парадигмой, для которой характерны принципы равенства, свободы, партнёрства, соразвития, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина [6]. К настоящему моменту феномен культурных ценностей в его практической реализации в образовательном процессе ещё недостаточно изучен.

Поскольку язык является «стержневым элементом, на котором основывается культурная самобытность наций» [7, с. 45], то формирование национально-культурной идентичности должно происходить на основе глубокого изучения родных языков и русского языка, причём в плане сопоставления глубинных смысловых процессов, происходящих в языках. Язык в его деятельностном, активном понимании [8] формирует культурную идентичность, которая, в свою очередь, определяет ценностное отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом. Изучение ценностей, отражаемых языком, способствует формированию чувства собственной истинности, пол-

ноценности и одновременно ощущения единства, сопричастности миру и другим людям.

Наиболее значимым в плане формирования идентичности является семантический анализ лексики, который позволяет выявлять внутреннюю форму слова, способ метафоризации, учит видеть в значении слова универсальное и специфическое, объективный и субъективный компонент, отражение реального положения дел и его оценку.

На основе анализа семантики слов с оценочным компонентом значения можно сформулировать правила, которые составляют своеобразный моральный кодекс людей, говорящих на этом языке. Так, анализ слов с отрицательной оценкой позволяет «вывести» некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы»: *домогаться, льстить, подлизываться*; «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей»: *подслушивать, подсматривать, любопытствовать*; «нехорошо унижать достоинство других людей»: *издеваться, насмехаться, глумиться*; «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве»: *унижаться, пресмыкаться, угодничать* [9, с. 351]. Исходя из этих правил, можно декодировать русские культурные ценности. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям и их мнению) представляются общими для многих народов. Однако в научном плане предстоит выяснить, какова иерархия этих общих ценностей в разных культурах, как соотносится в них универсальное и национально-специфическое.

В аксиологическом аспекте важным представляется учёт несовпадения значений слов, обозначающих культурные понятия в разных языках. Мир вокруг нас, оставаясь везде одним и тем же, воспринимается и отражается по-разному в различных языках. «Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, иллюзию, будто бы существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времён и для всех народов» [10, с. 316].

Следует отметить, что уникальные, культурно обусловленные дополнительные смыслы нередко стремятся подавить знаки денотативной системы и даже их вытеснить. Будучи зависимы от социокультурного контекста, эти коннотативные оценочные значения часто не фиксируются словарями, и их распознавание зависит от фонда общих знаний и интуиции интерпретатора. Коннотативные смыслы живут до тех пор, пока активно живёт контекст, который их породил [11].

В условиях многонационального государства, каким является Россия, и в условиях межкультурного взаимодействия в современном мире особенно важно учитывать несоответствие оценочно-ценностного потенциала слов в разных языках и культурах [12]. Так, например слово *берёза* (*берёзка*) в словарях русского языка толкуется как ‘лиственное дерево с белой (реже с тёмной) корой и с сердцевидными листьями’. Однако в сознании русского человека *берёза* символически связана с родиной, с мыслями о ней (*И родина щедро поила меня березовым соком...*), со стройной женской фигурой (*стройная как берёзка*). Совсем другие ассоциации вызывает берёза у норвежцев – в норвежском языке это символ стойкости; у немцев – символ весны; у англичан берёза вообще не связана с символическими значениями. В китайской культуре сходную с *берёзой* символическую функцию выполняет *слива мэй*, а в японской – *сакура*.

В коннотативной семантике разных языков можно обнаружить не только национально-специфический, но и универсальный компонент. Так, в частности, было доказано, что слово *правый* (особенно при обозначении руки) в подавляющем большинстве случаев в разных языках, среди которых и генетически не связанные друг с другом, имеет один и тот же этимон с позитивным значением ‘сильный, прямой, правильный, честный, надёжный, хороший’, а слово *левый*, напротив, – этимон с негативным значением ‘слабый, кривой, неправильный, нечестный, ненадёжный, плохой’. Эти представления находят отражения и в этикете многих народов. Русский язык также демонстрирует указанные различия. С одной стороны, положительная оценка: *Наше дело правое – мы победим; Он правая рука министра* и т.п. С другой стороны, отрицательная оценка: *левый доход, встать с левой ноги, написано левой ногой* и др. Оппозиция *правый – левый* входит в более широкую систему оппозиций: *мужской – женский, верхний – нижний, белый – чёрный, жизнь – смерть, свет – тьма, небо – земля* и др., где первый член во многих языках мира имеет устойчивую положительную оценку, а второй – отрицательную или сниженную [13, с. 260]. Ср. *быть на седьмом небе, небесные черты, небесная душа*, с одной стороны, и *сойти с небес на землю, земные хлопоты, небо и земля*, с другой стороны.

Богатый материал для обучения даёт сопоставительное изучение метафор. Установленным научным фактом является, например, то, что в европейских языках прилагательное *тёплый* приобретает метафорическое значение ‘приятный’, ‘приветливый’, ‘активный’, а прилагательное *холодный* – значение ‘бесчувственный’, ‘вялый’. Общий

тип метафорического переноса при этом получает в каждом языке своё особое национально-культурное значение. Исследования сопоставительного плана показали, что в русском языке – в метафорическом плане – представлены чаще, чем во французском, слова, обозначающие звуковые впечатления (*глухой лес, глухой переулок, глухойворот*), а во французском – слова, обозначающие цвета и краски. Подобные сопоставительные исследования необходимы и в отношении языков России, поскольку изучение такого рода явлений позволяет выявить различия в мировосприятии народов, носителей тех или иных языков.

В процессе изучения ценностей родной культуры, отражённых в языке, учащимся необходимо осознать, как национально-культурные ассоциации и внутренняя форма слова отражают способ национального мировидения. Мотивированность значения слова, сохраняющаяся в его внутренней форме, нередко является частью заключенного в слове культурно-специфичного концепта. Слово *тоска*, например, представляя национально-специфичный русский культурный концепт «тоска», по данным словарей, связано этимологически со словами *тщетно* и *тошно*, а также, косвенным образом – со словом *тесно*. При этом все три варианта внутренней формы слова *тоска*, не вступая в противоречие друг с другом, могут отражаться в его актуальном значении (ср. рассказ А.П. Чехова «Тоска»). Слово *обидеть*, согласно «Этимологическому словарю русского языка» [14], произошло от старого слова *об-видеть*, в котором предлог *об-* значит 'вокруг, огибая, минуя': ср. *обнести* кого-то угощением, 'пронести мимо, не дать', *обделить*, *обвесить*, *обвести*. Внутренняя форма *обидеть* – 'обделить взглядом, не заметить, не посмотреть'. Таким образом, именно недостаток внимания составляет основу *обиды* в русском понимании. Обнаружение скрытых смыслов с помощью «оживления» внутренней формы является удачным приёмом привлечения внимания учащихся к национальным ценностям, например, полезно восстановить внутреннюю форму слов *родина, родня, народ, порода, урожай*, имеющих один общий для всех исторический корень *род*. Слово *родник* также связано с корнем *род* [17], что нашло отражение в художественной литературе: *Я слово родник давно приметил....Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы родня между собой* (К.Г. Паустовский).

В рамках русской культуры выявляется такая ценность, как *прямота*, важное качество для русского «разговора по душам». В толко-

вых словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’. Такие метафорические значения прилагательного *прямой* зафиксированы для многих языков, в том числе и для языков России. Так, например, мокшанское прилагательное *прямой* имеет метафорические значения ‘правильный, справедливый, честный, откровенный, простой, бесхитростный’. В горномарийском языке *прямой человек* – это ‘честный, правильный’. В эстонском языке – ‘правильный, настоящий, истинный, справедливый’ [15, с. 112-113]. Однако *прямота* с позиций других культур не всегда оценивается положительно, и даже может вызывать удивление. Так, например, прямые и честные ответы российского футболиста очень удивили в своё время журналиста из Великобритании: «Этот Аршавин – неисправимый русский!» («Советский спорт», 2009, 20. 05). *Прямому* как одну из русских ценностей хорошо иллюстрирует пример, связанный с выступлением на заседании ООН российского дипломата В. Сафронкова, который призывал представителя Великобритании Р. Райкрофта смотреть прямо в глаза, не отводить взгляд. В русской культуре смотреть прямо в глаза собеседнику является признаком искренности, открытости, честности. Следует подчеркнуть, что выступление В. Сафронкова многими носителями русской культуры оценивалось положительно – как прямое и честное, несмотря на нарушение им норм дипломатического этикета. При этом оценка его речи как дипломата, с профессиональной стороны, была в основном отрицательной.

Активное владение родным языком предполагает учёт ценностно-оценочных компонентов значения, которые не всегда фиксируются словарями, но могут влиять на результат коммуникации.

Русский язык, как и многие другие языки мира, в настоящее время находится в трудном положении, поскольку происходит процесс переосмысления ценностных установок и приоритетов, характерных как для русского народа, так и для многих народов бывшего Советского Союза. На фоне активизации заимствований из английского языка происходит забвение некоторых русских ценностей. Эта проблема в современном глобализованном мире представляется общей для многих языков России и мира.

Междисциплинарные исследования последних лет фиксируют изменения в русской языковой картине мира. Так, например, отмечается появление в русском языке новой техноморфной модели номинации, что говорит об отражении «в языковой картине мира нового стереотипного мировосприятия – технократического» [16, с. 351]. Трансформация и «отмирание» ценностей в языковом отражении

проявляется также в деактуализации и постепенной десемантизации ряда слов, обозначающих социально значимые понятия. Среди уходящих слов и постепенно забываемых ценностных смыслов можно отметить *порядочность, скромность, совесть, честь, благородство, достоинство* и др. Эти понятия, представленные в культурах и языках народов России, постепенно подвергаются деформации. Полное забвение этих ценностей может обернуться социокультурной катастрофой. При этом важно подчеркнуть, что речь вовсе не идёт о формальном исчезновении этих слов: они достаточно частотны. Речь идёт об их смысловом опустошении и ценностной девальвации. Происходят и семантические сдвиги, связанные с изменением оценочного знака тех или иных слов. Так, например, анализ употреблений слова *честолюбивый* показывает, что в 60–70 гг. XX века частотным было использование этого слова в отрицательных контекстах: *Это был человек, видимо, тяжёлого и резкого характера, честолюбивый и обиженный* (В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1960). Человек не честолюбивый, напротив, оценивался в то время положительно: *... дядя Гриша, простодушный, не честолюбивый, истинный мастер своего дела, передовик...* (А. Рыбаков, *Тяжелый песок*, 1975–1977). Совсем иная картина наблюдается в XXI веке. Употребление этого слова в одном ряду с безусловно положительными характеристиками доказывает его позитивную оценку в сознании современных людей: *За дело взялся толковый следователь. Честолюбивый и одаренный.* (Л. Зорин, *Глас народа*, 2008). Честолюбие в современном обществе способствует карьере, а карьера – успеху, что является желанной целью для многих людей. Изменилась с отрицательной на положительную и оценка слова *амбициозный*. Анализ материала позволяет предположить, что *честолюбие* и *амбициозность* – это те качества, которые помогают в наше время стать *успешным* человеком, сделать *карьеру*. При этом *скромность, кротость, застенчивость*, по мнению многих молодых людей, мешают осуществлять этот глобальный жизненный проект, мешают двигаться вперёд, в связи с чем оценочный потенциал прилагательного *скромный* постепенно меняется. Обзор иллюстративного материала разных лет показывает положительные контексты употребления слова *скромный* в примерах из XIX и XX веков (*солидный и скромный; скромный, серьёзный, верный*) и допустимость негативного контекстного окружения, характеризующего современного *скромного* человека в текстах XXI века: *Напротив садится скромный мужчина — застенчивый взгляд, сальные волосы, мешковатые штаны...* (П. Осетинская, *Рояль на линолеуме*, 2012). При помощи союза

но может создаваться оценочное противопоставление: *Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой!* (К. Букша, Завод «Свобода», 2013), где *скромный* и *скрытный* – это плохо, а *простой* – хорошо. Скромность в современном мире всё больше отождествляется с бедностью, поэтому и не приветствуется молодёжью. По-видимому, «скромность» можно квалифицировать как «уходящую» ценность, хотя в словарях это слово по-прежнему предстаёт с положительной оценкой.

Основываясь на наших наблюдениях, можем сделать вывод о частичном изменении оценочных смыслов ряда социально значимых культурных понятий. Изучение динамических процессов, происходящих в семантике слов под влиянием изменений в современной общественной жизни, как важная и актуальная задача современной лингвистики, требует дальнейших коллективных усилий в плане организации комплекса сопоставительных исследований на материале языков народов России. Проблема сохранения исчезающих языков и национально-культурных ценностей также требует глубокого изучения с целью поиска оптимальных путей сохранения и приумножения духовного богатства народов России.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки славянской культуры. 1995. 766 с.
2. Асанова Д.А. Сохранение родного языка и культуры в условиях многонационального государства // Теория и практика современной науки. 2017. №2 (20). С. 44-48.
3. Атаев Б.М. Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения. /Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. С. 129-132.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. 616с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445с.
6. Богданова Л.И. Язык как деятельность: к проблеме развития культурной идентичности в современной России // В сб.: Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве /

Отв.ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 112-118.

7. Богданова Л.И. Конфликт ценностей в условиях контакта культур // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения / Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. С. 133-136.

8. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.

9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.

10. Кашкин Е.В. Полисемия признаковых лексем с семантикой 'прямой': данные горномарийского языка // Родной язык. 2018, №2. С. 106-127.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

12. Синячкин В.П., Бахтикиреева У.М. Лингвистические заметки о virtuality// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М.: РУДН, 2018. С. 29-39.

13. Тропина Н.П. Языковая картина мира: от технократического мировидения к техноморфной метафорической номинации // Язык и ментальность в диахронии. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 351-359.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т.Т. 1–4. Том 3. 828 с.

15. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 247 с.

16. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.

17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. 1974. 428 с.

18. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.